

— Хуа Маньлоу, не хочешь одну? Мясные булочки в этой лавке просто восхитительны.

Лу Сяофэн не обратил внимания на Ло Ма, а сел на свободное место рядом с Хуа Маньлоу, протянул ему булочки из рук. После того как тот взял, он взял одну булочку и сам принялся есть.

— Лу Сяофэн, ты...

Такое отношение Лу Сяофэна очень разозлило Ло Ма. Цзян Лун рядом с ним, увидев состояние Ло Ма, немедленно схватил его. Сейчас они ещё нуждались в помощи Лу Сяофэна, как же можно его обидеть?

— Великий мастер Лу, осмелюсь спросить, обнаружили ли вы что-нибудь прошлой ночью в «Башне Крайнего Блаженства»?

— Взгляните на это.

Сказав это, Лу Сяофэн протянул руку к своей груди, чтобы достать что-то. Взгляды всех присутствующих устремились на Лу Сяофэна. Они увидели, как Лу Сяофэн вынул из-за пазухи пачку банкнот, а затем передал её главному управляющему банка Цянь Да. Цянь Да взял банкноты и стал просматривать одну за другой. Действительно, все они были фальшивыми банкнотами с последовательными номерами.

— Эти банкноты — фальшивые, с последовательными номерами.

— Эти фальшивые банкноты я как раз и обменял в «Башне Крайнего Блаженства».

— Похоже, догадка великого мастера Лу совершенно верна.

— Жаль только, что у нас нет доказательств. Я обнаружил потайную комнату, но та комната сконструирована очень искусно, я просто не смог её открыть.

— Мы сейчас же освободим Чжу Тина. Сегодня вечером придётся снова потревожить великого мастера Лу и Чжу Тина, чтобы вы отправились в «Башню Крайнего Блаженства».

Цзян Лун был весьма решительным, выслушав слова Лу Сяофэна, он немедленно принял решение освободить Чжу Тина. Однако такое его поведение, наоборот, выдавало его нетерпение. А Ло Ма, который всё это время вёл себя довольно импульсивно, на этот раз не сказал ни слова. На самом деле, когда Лу Сяофэн закончил говорить, Ло Ма, казалось, собирался что-то сказать, но Цзян Лун дёрнул его, и он проглотил все слова. Всё это Хуа Маньлоу отчётливо слышал, а Лу Сяофэн ясно видел.

Чжу Тина быстро привели слуги управы. Проведя несколько дней в тюрьме, Чжу Тин не выглядел ни капли удручённым. Лу Сяофэн не спал всю ночь, а вечером ему снова предстояло отправиться в «Башню Крайнего Блаженства», поэтому Лу Сяофэн решил сейчас же вернуться и поспать, а встать только после захода солнца.

После обеда Хуа Маньлоу взял Тан Мочэня с собой в храм Юньцзянь. Причина, по которой Хуа Маньлоу отправился туда, заключалась в том, чтобы навестить Сяэр и её мать.

Когда Хуа Маньлоу и его спутник прибыли, Сяэр как раз сушила книги на улице. Увидев Хуа Маньлоу, её лицо мгновенно покраснело, улыбка стала ещё шире.

— Сяэр, это лекарство, приготовленное для твоей матери.

— Спасибо, седьмой господин. Седьмой господин, проходите сначала в дом, я приготовлю для вас чай.

Чай Сяэр был только что завален, как примчался Цянь Да. Увидев Хуа Маньлоу, он принял вид крайне благодарного и тронутого человека и уже собирался опуститься на колени. Хуа Маньлоу поспешил подойти и поддержать его. Касаясь ладони Цянь Да, Хуа Маньлоу обнаружил, что ладони Цянь Да были полностью во влажном поту. И ещё, когда он только вошёл в дверь, он заметил, что дыхание Цянь Да очень учащённое. Уже прошло много времени, как он говорил, но его сердцебиение так и не вернулось к прежнему ритму. Похоже, он очень спешил и сильно нервничал.

Хуа Маньлоу вдруг вспомнил слова Лу Сяофэна: те фальшивые банкноты, которые монахи храма Юньцзянь отправляли в «Башню Крайнего Блаженства», были взяты из комнаты Сяэр и её матери. Глядя на то, как нервничает Цянь Да, видимо, место изготовления фальшивых банкнот действительно находилось в комнате Сяэр и её матери.

Увидев, что пришёл Цянь Да, в глазах Сяэр промелькнули страх и отвращение, затем она удалилась и снова принесла для Цянь Да чашку чая.

— Сяэр, не могла бы ты отвести Сяо Чэня во внутреннюю комнату отдохнуть? Сегодня Сяо Чэнь встал слишком рано, сейчас уже начинает клонить в сон.

— Да, Сяэр, отведи молодого господина Тана отдохнуть. У меня со седьмым господином есть дела для обсуждения.

Тан Мочэнь сидел в стороне с видом сонного и засыпающего. Сегодня утром, чтобы дожидаться Лу Сяофэна, все встали ещё до рассвета. Бдительность Тан Мочэня была очень высокой, поэтому, когда несколько человек встали, он уже был разбужен. Увидев, что Хуа Маньлоу тоже встал, Тан Мочэнь последовал за ним, чтобы вместе ждать Лу Сяофэна. Сейчас он, естественно, очень устал.

Сяэр привела человека в место своего отдыха, но не ожидала, что Тан Мочэнь услышит кашель её матери и направится туда. Цянь Да, чтобы люди не узнали личность Юэ Цина, нанял мастера искусной маскировки, который сделал лицо Юэ Цина очень пугающим, всё в волдырях. Однако искусство маскировки крепости Тан изначально было очень высокого уровня, мастерство маскировки того человека не могло сравниться с мастерством Тан Мо, поэтому Тан Мочэнь с первого взгляда разгадал маскировку на лице Юэ Цина.

Обнаружив намерение Тан Мочэня, Сяэр хотела подойти и остановить его. Она немного беспокоилась, что Тан Мочэнь, увидев лицо Юэ Цина, испугается, и тогда перед Хуа Маньлоу будет неудобно. Хотя крепость Тан не была такой ослепительно золотой, как Помесье Скрытого Меча, но денег у них тоже не было в недостатке, поэтому ткань на одежде Тан Мочэня была высшего качества, с первого взгляда видно — отпрыск знатной семьи, изнеженный и холёный. Сейчас же лицо Юэ Цина было очень пугающим, вдруг действительно напугает до дурноты, будет плохо.

Сяэр была всего на четыре года старше Тан Мочэня, к тому же не умела боевых искусств, как же ей было удержать Тан Мочэня, с детства изучавшего боевые искусства? Тан Мочэнь открыл дверь, одним «Шагом в Облака» оказался у постели Юэ Цина. Сяэр даже не успела коснуться одежды Тан Мочэня. В комнате Юэ Цин сидел на кровати и кашлял. Он прикрывал рот рукой, непрерывно кашляя, между пальцами струйка чёрной крови просачивалась через щели и

стекала на ладонь.

Увидев это, Сяэр уже не могла думать о Тан Мочэне, поспешила подойти и похлопать Юэ Цина по спине, чтобы его дыхание стало свободнее. При виде такой сцены брови Тан Мочэня нахмурились, он тоже подошёл к кровати. Лежащего на больничной кровати человека он не знал, но так или иначе это был его дядя по учению. Сейчас такое состояние явно указывало на отравление, просто неизвестно, насколько серьёзное.

— Юэ Цин?

— Откуда ты знаешь? Сяэр, кто это?

— Он человек седьмого господина.

Услышав, что этот ребёнок — человек Хуа Маньлоу, Юэ Цин обрадовался в душе. Значит ли то, что этот ребёнок знает его личность, что и Хуа Маньлоу тоже знает? Будучи младшим братом по учению Чжу Тина, Юэ Цин, естественно, знал об отношениях между Хуа Жулином и своим учителем, а также об отношениях между Хуа Маньлоу и его старшим братом по учению. Поэтому, если семья Хуа узнает о его существовании, они обязательно спасут его. Юэ Цин не ожидал, что спустя семь лет у него и Сяэр снова появится надежда выбраться.

На самом деле, когда Юэ Цин узнал о намерениях тех людей, он нашёл способ отправить Сяэр через тот потайной ход. В то время Сяэр было всего восемь лет. Место, где жил Чжу Тин, для восьмилетнего ребёнка было слишком далёким. А самым лёгким для достижения местом, естественно, был банк «Ваньтун» семьи Хуа, который находился ближе всего к их местоположению, и его все знали. Даже если Сяэр не найдёт его, она может спросить у кого-нибудь дорогу.

Поэтому в то время Юэ Цин отправил Сяэр в банк «Ваньтун» семьи Хуа искать семью Хуа. Хотя он лично не был знаком с людьми из семьи Хуа, но они всё же были старыми друзьями. Сяэр отправилась к семье Хуа под именем ученика Врат Божественного Топора Лу Баня, и семья Хуа обязательно помогла бы им. Юэ Цин не ожидал, что Цянь Да тоже был заодно с теми людьми. Поэтому Сяэр, которая отправилась просить о помощи, сама попала в пасть тигра.

А потом каждый раз, когда Хуа Маньлоу приносил ему лекарство, Цянь Да очень быстро прибежал, и у него просто не было возможности рассказать обо всём этом Хуа Маньлоу. Так продолжалось до трёх лет назад, когда он окончательно отказался от надежды быть спасённым.

— Меня зовут Тан Мочэнь. Чжу Тин — мой учитель, так что вы тоже мой дядя по учению.

— Старший брат по учению, он в порядке?

— Учителя сегодня только что выпустили из тюрьмы.

— Прости меня.

— Учитель в тюрьме жил очень хорошо, дядя, не нужно себя винить. А вот вы, судя по всему, отравлены.

Юэ Цин знал, что как только появятся фальшивые банкноты, Чжу Тина заподозрят. В конце концов, эти банкноты были совершенно идентичны настоящим, императорский двор обязательно заподозрит, что это сделал его старший брат по учению. Юэ Цин очень винил себя

за то, что из-за него старший брат попал в тюрьму. Тан Мочэнь же не придавал этому значения. Чжу Тин в тюрьме наедался досыта, затем предавался размышлениям о различных механизмах, уставал — спал, хотел есть — снова ел. Благодаря заботе Хуа Маньлоу, питание было особенно хорошим, жизнь была просто прекрасной, он совсем не страдал. Сейчас же Тан Мочэня беспокоила чёрная кровь, которую только что откашлял Юэ Цин.

— Ло Ма и Цянь Да, чтобы заставить меня подчиниться, всё время заставляли меня принимать медленно действующий яд.

<http://bllate.org/book/16231/1458316>